

АРХЕТИП САМОСТИ В РОМАНЕ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ «ОРЛАНДО»

(Научный руководитель – канд. филол. наук, доц. Н. В. Ламеко)

Архетип – структурный элемент коллективного бессознательного и базовый элемент любого мифа. К архетипам относятся архаически-символические проявления, или первообразы, которые сформировались в психике людей в «незапамятные времена» и передаются из поколения в поколение почти без изменений. Они встречаются в фантазиях, снах, изобразительном искусстве, поэтических произведениях, сказках, мифологическом наследии мирового масштаба. Архетип – это образ, который не имеет постоянной внешней оболочки, он видоизменяется под воздействием эпохи, исторических событий; личная история определенного человека также накладывает отпечаток на возникший в его сознании архетипический образ.

Цель данной работы – выявление и характеристика архетипа Самости в романе В. Вулф «Орландо» (*Orlando: a Biography, 1928*).

С наступлением эпохи модернизма архетипическая символика начала все чаще проявляться в прозе, что не в последнюю очередь связано с отходом писателей от миметического кода, отказом от следования традициям, поиском новых форм и освобождением произведений от рамок условности.

Как заметил Т. С. Элиот, в начале 20-го века появляется новый метод создания произведений – мифологический, где текст выстраивается на основе мифа [4]. Книги эпохи модернизма, написанные подобным методом, и заключают в себе архетипическое содержание.

Модернистский роман В. Вулф «Орландо» ярко воплощает идею писательницы о том, что каждой творческой личности необходимо иметь андрогинное сознание, соединяющее в себе женскую восприимчивость и мужской ум [6]. Аспект андрогинного начала человека затрагивался еще в древности Платоном, а вопрос гермафродитизма поднимался Овидием. Сосуществование в человеке мужского и женского, человеческая андрогинность – идеи, рожденные коллективным бессознательным. В работе *V. Woolf and the Androgynous Vision* американская исследовательница Н. Т. Безин указывает на сходство теорий В. Вулф и К. Г. Юнга о присутствии в людях антиномичных начал, стремящихся к объединению, однако рассмотрению романа «Орландо» предпочитает другие книги писательницы предположительно потому, что «фэнтезийная биография» проигрывает в «серьезности» другим произведениям В. Вулф [5].

«Биография» Орландо во многом базируется на фактах, заимствованных В. Вулф из семейной истории ее подруги и любовницы В. Сэквил-Уэст. Поместье Кнол становится прообразом замка главного героя, содержащего в себе 365 комнат и 52 лестницы. Главный герой «биографии», подобно Вите, происходит из древнего аристократического рода, сочетает в своей внешности как мужские, так и женские черты, получает британскую премию за поэму «Дуб» (так же как В. Сэквил-Уэст в 1926 году – за поэму «Земля»). Более того,

стоит отметить, что тридцатилетний возраст Орландо при внезапной смене им пола во сне совпадает с возрастом Виты, когда та познакомилась с В. Вулф.

Однако созданный образ главного героя основан не только на фактах из жизни Виты: автор идет дальше и представляет читателю намного более сложный персонаж, чем это кажется на первый взгляд. Орландо – это соединение фикции и истории, «специально созданное специфическое пространство, которое объединяет несколько периодов времени, втягивает в действие читателя и делает из него свидетеля не только перипетий сюжета, но и мировой истории» [3]. Все это характерно для авторского мифа, основами которого, как и любого мифа, являются архетипы.

Роман содержит в себе архетипические проявления в человеческих, териоморфных (животных), растительных и геометрических образах, которые постъюнгианцы называют архетипическими образами и символами. Рассмотрим сквозной архетип данного произведения – архетип Самости, который проявляется в образе Орландо, образе дуба и родового поместья главного героя.

Что такое Самость? К. Г. Юнг, впервые вычленивший этот архетип, определял Самость так: целостный вневременный человек, или «первоначальное сферическое двуполое существо», коим представлена обоюдная интеграция сознания и бессознательного, мужской и женской составляющих человеческой души. Интересно, что самым простым и распространенным символом Самости является обычный круг, квадрат, вписанный в круг, который обозначает единство противоположностей, четыре времени года, образ Мирового Древа, знак Инь и Янь, компас с четырьмя направлениями света, циферблат наручных часов. Архетип Самости – это первообраз, способствующий личностной интеграции человека, гармонизации внутреннего пространства.

Биография Орландо охватывает его жизненный период в примерно 360 лет, 30 лет из которых он пробыл мужчиной, а затем во сне превратился в женщину. Отрезок времени в 360 лет сопоставим с количеством градусов, составляющих круг. Круг же является изначально солярным символом, обозначает человеческое совершенство, целостность, Самость. История Орландо начинается с чердака, где он упражняется с кинжалом и где по воле автора становится возле витражного окна, цвета которого окрашивают его тело в голубой, красный и желтый, лицо же «озаряется исключительно солнцем» [1, с. 331]. Подобная четырехчастная палитра с солнечным светом вместо четвертого (традиционно) зеленого цвета относит нас к тетраморфу: ангел, орел, бык и лев, где льву соответствует желтый, орлу – красный, быку – синий, ангелу – солнечный свет. Тетраморф не случайно появляется на первых страницах романа. Он представляет собой первый стартовый символ обретения заложенной в человеке Самости, начало процесса индивидуации – соединения противоположных начал, итогом которого является вневременность или бессмертие.

С последним тесно связана необычность организации временно-пространственной ткани произведения. Мысли главного героя обладают

способностью подстраивать под себя действительность: часы становятся дольше под воздействием его задумчивости, время же, когда он действует, “becomes inordinately short” (становится неимоверно коротким) [7, с. 58]. Стало быть, здесь, в романе, субъективное восприятие человеком времени затмевает само время в обычном его понимании, т.е. пространственно-временная ткань текста выкраивается через призму восприятия мира главным героем. Очевидно, что, раз «человеческая душа влияет на ткань времени», именно долгие раздумья приводят Орландо к вечной (так как роман имеет открытую концовку) жизни.

Мир Орландо пронизан контрастами на разных уровнях текста. Ключевым событием романа, безусловно, является метаморфоза – перемена пола героя. Основным противопоставлением в произведении поэтому становятся Орландо-мужчина и Орландо-женщина, из-за чего мы наблюдаем новый для В. Вулф «зеркальный принцип композиционного построения текста» [2, с. 41]. «Зеркалом», моментом «преломления» здесь служит символическая смерть главного героя – его семидневный сон, после которого он просыпается женщиной. Так, Орландо, постигающая жизненный опыт обоих полов, в конце книги уже размышляет о себе как “a single self, a real self” («единственное “я”, истинное “я”» – пер. Е. Суриц), “one and entire” («сейчас она была единая, цельная» – пер. Е. Суриц) [7, с. 212].

Сопутствующим архетипическим образом Самости в тексте является Дуб, стоящий на высоком холме, с которого в ясную погоду были видны все сорок графств королевства. Образ дуба связан с Орландо не только через написанную им одноименную поэму. Автор-биограф на протяжении всего романа обращает наше внимание на «прелестнейшую пару ног», коими обладал главный герой. Мифы Древней Индии, например, повествуют о Виоте, сыне Земли и Неба. Убитый жабой, которая позавидовала его стройным ногам, он превратился в дуб.

Английское слово «дуб» (oak), также, как и «дерево» (tree) восходит к одному и тому же корню **deru-*, что в итоге обуславливает символическое сходство дуба с Древом Мира. Оба понятия связаны со значением трансцендентальной истины и центра космоса, объединением божественного и человеческого начал. В скандинавской мифологии Древо Жизни связывает мир людей, мир богов и мертвых, является источником мудрости. Образ дуба кельты связывали с бессмертием и перерождением. Кельтское слово “*duir*” (дуб) первоначально значило «дверь» и выражало собой функцию кельтского Древа Жизни быть «дверью» в иной мир.

С образом Мирового Древа, соединявшего жизнь и смерть, часто связывают архетипический образ Близнецов. В древности верили, что у каждого человека, предмета, вещи существует двойник. Образ двойничества соединялся с представлениями смены дня и ночи, существования солнца и луны, мужчины и женщины, добра и зла и являлся естественным продуктом человеческого разума, структурирующего явления и понятия по принципу бинарной оппозиции. Соединением таких же антитетичных начал оказался и Орландо, в котором сплелись мужская и женская части.

Если дуб связывается со значением макрокосма, то дом, в котором живет герой, – это микрокосм, и символизирует самого Орландо, его историю. Как известно, теория К. Г. Юнга о коллективном бессознательном началась со сновидения о доме. Так же, как и поместье Кнол, описанное В. Вулф, дом философа существовал столетиями и представлял строение внутреннего мира человека, где верхняя часть отдана сознанию, нижняя – древнему психическому наследию, коллективному бессознательному. Поместье Орландо впервые полноценно возникает во второй главе произведения. Удаленный от светской жизни, он уединяется в замке, блуждает по лабиринтам его коридоров «в поисках чего-то среди картин» [1, с. 417], предаваясь воспоминаниям и наплывам эмоций, чтению и письму. Возвращение Орландо в поместье ознаменовано его разрывом с русской княжной, за которым следует первый его семидневный сон, родственной смерти. Однако со временем пребывания в доме упадническое настроение, первоначальные “thoughts of death and decay” [7, с. 41] («мысли о смерти и гниении» – *пер. Е. Суриц*) сменяются порывом к творчеству, приглашением поэта в гости. Дом олицетворяет память и забвение (призраки), жизнь и смерть, место, где властвует порядок и нет хаоса. Дом Орландо – его источник восстановления от потрясений, перерождения после сна-смерти, возвращения к творчеству. Количество комнат дома (365) соответствует количеству дней в году, 52 лестницы соотносятся с годовым числом недель – все это также «замыкает» дом в круг, соединяет прошлое и настоящее, бинарные оппозиции смерти/жизни, забвения/памяти, объединяет две сущности: Орландо-мужчину и Орландо-женщину.

Так, архетип Самости – первообраз интегрированного вневременного человека, соединяющий мужскую и женскую составляющие человеческой души, присутствует в романе В. Вулф в магистральных образах дуба, поместья Кнол и главного героя произведения – Орландо.

Литература

1. Вулф, В. Орландо / В. Вулф // Избранное / В. Вулф. – М. : Терра, 1996. – С. 329–478.
2. Лотман, Ю. М. Символ в системе культуры / Ю. М. Лотман // Ученые записки Тартуского государственного университета. Труды по знаковым системам XXI. – 1987. – Вып. 756. – С. 10–12.
3. Пьянзина, В. А. Авторский миф как жанр современной литературы / В. А. Пьянзина // *Universum: Филология и искусствоведение: электронный научный журнал [Электронный ресурс]*. – 2017. – № 9. – Режим доступа: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/5111>. – Дата доступа: 29.04.2020.
4. Элиот, Т. С. Порядок и миф / Т. С. Элиот [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/2164174/>. – Дата доступа: 29.04.2020.
5. Bazin, N. T. Virginia Woolf and the Androgynous Vision / N. T. Bazin. – New Brunswick : Rutgers University Press, 1973. – 251 P.

6. Woolf, V. A Room of One's Own / V. Woolf [Electronic resource]. – Mode of access: [http://seas3.elte.hu/coursematerial/PikliNatalia/Virginia Woolf - A Room of Ones Own.pdf](http://seas3.elte.hu/coursematerial/PikliNatalia/Virginia%20Woolf%20-%20A%20Room%20of%20Ones%20Own.pdf). – Date of access: 29.04.2020.
7. Woolf, V. Orlando: A Biography / V. Woolf. – London : Vintage, 2004. – 219 P.